

**ЕДИНСТВЕННЫЕ ДРЕВНИЕ НАСКАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ АРКТИКИ
(ЧАЛЬМН-ВАРРЭ, КАНОЗЕРО, ПЯЙВА, МАЙКА)****Владимир Яковлевич Шумкин**Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург, Россия. E-mail: shumkinv@yandex.ru

Аннотация. За последние 50 лет (1973–2023 гг.) в результате исследований Кольской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР/ИИМК РАН (с 1991 г.) ее сотрудниками были открыты в Мурманской области и изучены петроглифы Чальмн-Варрэ, Канозеро и писаницы на полуострове Рыбачий (Пяйва и Майка). Поскольку другие наскальные ансамбли Российской Европейской Севера (Карельские и на реке Вишера) расположены южнее Полярного круга, то только эти Кольские объекты могут быть обоснованно признаны единственными сохранившимися до наших дней памятниками древнего монументального творчества Российской Европейской Арктики. Вполне вероятно, что если сотни небольших петроглифических собраний и все писаницы Фенноскандии являлись «камерными» святилищами для небольших групп древнего населения, то крупные галереи служили тем же целям для больших сообществ, включающих не одно, а может быть и десятки поселений, отстоящих от таких прославленных культовых мест на значительные расстояния. А сами святилища были местом сбора в определённые согласованные периоды для совершения совместных ритуальных действий: празднеств, инициаций и т.д. Реликвии монументального творчества являются сложными и многогранными объектами исследования. Их использование в качестве источника в историко-культурных разработках, истории искусства, эволюции интеллекта и когнитивной психологии, религии и мифологии предполагает тщательный археологический анализ. Для успешной работы над этой темой необходимо в первую очередь тщательное, точное документирование изображений, определение точного возраста, сравнительные характеристики (стиль, техника выбивки/рисования, композиция, ландшафтная среда, микрорельеф) различных мест древнего наскального творчества. В связи с развитием новых технических и естественных методов в последнее время на этих направлениях достигнуты значительные успехи, которые наиболее очевидны при совместной работе специалистов разных стран.

Ключевые слова: Фенноскандия, наскальное творчество, писаницы, петроглифы, геометрические изображения

Цитирование. Шумкин В.Я. Единственные древние наскальные изображения Российской Европейской Арктики (Чальмн-Варрэ, Канозеро, Пяйва, Майка) // Уфимский археологический вестник. 2024. Т. 24. № 1. С. 68–81. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2024.24.2.004>

Благодарности. Исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН «Древнейшие обитатели Севера Евразии: расселение человека в каменном веке, технологии производства» (FMZF-2022-001)

**THE ONLY ANCIENT ROCK IMAGES OF THE RUSSIAN EUROPEAN ARCTIC
(CHALMN-VARRE, KANOZERO, PIYVA, MIKE)****Vladimir Ya. Shumkin**Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia
E-mail: shumkinv@yandex.ru

Abstract. Over the past 50 years (1973–2023), as the result of the researches by the Kola archaeological expedition of the Leningrad Institute of the Academy of Sciences of the USSR/IHMC RAS (since 1991), its employees discovered and studied the petroglyphs of Chalmn-Varre, Kanozero and pisanitsy on the Rybachy Peninsula (Pyaiva and Mayka) in the Murmansk region. Since other rock ensembles of the Russian European North (Karelian and Vishera) are located south of the Arctic Circle, only these Kola objects can reasonably be recognized as the only sites of ancient monumental creativity of the Russian European Arctic that have so far survived. It is likely that if hundreds of small petroglyphic collections and all the writings of Fennoscandia were “chamber” sanctuaries for small groups of the ancient population, then large galleries served the same purposes for large communities, including not one, but perhaps dozens of settlements, distant from such famous places of worship over considerable distances. The sanctuaries themselves were a gathering place during certain agreed periods and served for joint ritualistic actions: celebrations, initiations, etc. Relics of monumental art are fascinating, complex and multifaceted objects of study. Their use as a source in historical and cultural developments, art history, the evolution of intelligence and cognitive psychology, religion and mythology requires careful archaeological analysis. To successfully work through this subject, in the first place it is necessary to carefully and accurately document images, determine the exact age, and give comparative characteristics (style, carving/

drawing technique, composition, landscape environment, microrelief) of various places of ancient rock art. In connection with the development of new technical and natural methods, significant progress has recently been achieved in this "field". This progress is the most obvious when specialists from different countries work together.

Keywords: Fennoscandia, rock art, paintings, petroglyphs, geometric images

Citation. Shumkin, V.Ya. 2024, "The only ancient rock images of the Russian European Arctic (Chalmn-Varre, Kanozero, Piyva, Mike)", *Ufimskij arkeologicheskij vestnik*, vol.24, no. 1, pp.68–81. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2024.24.1.004>

Acknowledgements. The research is conducted as a part of the fundamental research of the state academy of sciences Most Ancient Inhabitants of the Northern Eurasia: Human Settling in the Stone Age, Production Technologies (FMZF-2022-001).

Введение

В последние годы значительно возрос интерес к прошлому, как к местной истории, так и к эволюции человечества в целом, что свидетельствует о зрелости цивилизации. В этом контексте важным является исследование генезиса духовной культуры. В конечном счете, не царство материальных объектов, окружающих человека, как бы важно это ни было, формирует личность, а сознание, его мировоззрение, способность интерпретировать мир в пределах своего видения и понимания. Многие люди осведомлены о великолепных пещерных фресках охотников на мамонтов ледникового периода. Однако, только на первый взгляд любое из этих панно легко поддается интерпретации: ее богатство красок «маскирует» от современного человека концептуальную схему, для которой она была создана, и которая до сих пор остается в значительной степени неразгаданной. Это первобытное творчество не было ни натуралистическим, ни реалистическим. Оно «не отражало жизнь в том виде, как это представлялось необходимым нашим искусствоведам лет 50–70 тому назад. Это искусство создавало иной мир – мир художественных образов» [Григорьев, 2016. С.299].

Знаменитый французский философ Л.Леви-Брюль считал первобытное мышление пралогическим, т.е. предлогическим, или неразвитым логическим, но не алогичным [Леви-Брюль, 1964. С. 8]. Хотя такое разделение мышления и подверглось критике [Badin, 1927. Р.387] и даже сам автор отказывался от него, всё же считаю, что эта идея конструктивна, ее можно принять в качестве исходной для выявления сущности и специфики мифологии при сравнении с другими типами мышления. В какой-то мере можно считать его и мифологическим, однако, не ограничивая всю творческую деятельность людей первобытных обществ одним лишь мистицизмом. Если изображения фигуративного пласта, оставленные нашими предками, еще как-то находят отклик у специалистов, издателей, читателей, то отношение к знакам, геометрическим фигурам более прохладно, а они в жизни древних людей, несомненно, значили не менее, чем другие, и были частью их символических представлений.

Современные исследователи первобытного искусства уже не сомневаются, что простые знаковые формы изображений появлялись практически одновременно с фигуративными образами. Это хорошо сочетается с утверждением выдающегося американского культуролога и антрополога Л.Уайта (1900–1975): «все цивилизации и возникали, и сохранялись только благодаря использованию символов. Именно символ преобразует младенца *Homo sapiens* в человеческое существо» [Уайт, 2004. С.34]. То есть, по Уайту, истинное человеческое поведение и его осознанная деятель-

Рис. 1. Схема инициального заселения Арктического побережья Фенноскандии с территории Западной Европы (13000–7000 л.н.). Короткий пунктир со стрелкой – движение аренсбургского населения из северо-германской низменности; средний – вдоль западного побережья Швеции и Норвегии в конце плейстоцена – начале голоцена; длинные тонкие стрелки – освоение Кольского полуострова в раннем голоцене (по: [Шумкин, 1986])

Fig. 1. Layout of the initial settlement of the Arctic coast of Fennoscandia from the territory of Western Europe (13,000–7,000 years ago). The short dotted line with an arrow shows the movement of the Arengsburg population from the North German lowland; the middle line along the west coast Sweden and Norway at the end of the Pleistocene – beginning of the Holocene; long thin arrows – development of the Kola Peninsula in the early Holocene (acc. to [Shumkin, 1986])

ность в целом начинается именно с использования символов, благодаря которым и произошло окончательное выделение человека из животной среды.

Надо признать, что продолжение этого вида творчества – наскальное искусство послеледникового времени, особенно в арктических регионах планеты, значительно менее известно не только общественности, но и в научном мире. Среди многих причин, объясняющих эту ситуацию – ограничения, присущие этому типу археологических памятников, и трудности его восприятия и понимания. Сказались и старые традиционные представления о ранних этапах древней истории крайнего севера Европы, согласно которым культуры этого региона считались скорее неполноценной, пассивной и периферийной репликой (или слабым продолжением) более «продвинутых» южных (ближневосточных, балканских, центрально-европейских) сообществ, у которых были, и то, со значительным запозданием, скопированы некоторые «прогрессивные» черты, включая производящую экономику. Более того, на фоне разрекламированных, и по достоинству почитаемых достижений древних цивилизаций, творческие поиски населения «периферийных» регионов могут показаться бледными и недостойными внимания. Но следует признать, что наука и мир искусства еще не оценили по достоинству значение древнего монументального творчества Севера, относящегося к длительному периоду исторического развития и отражающего духовные искания сотен поколений наших предков. Невнимание к изучению наскальных изображений Севера оставляет пробел, разрыв, препятствующий пониманию последующего развития творческих сил человечества.

Описание материалов и дискуссия

Датирование наскальных изображений всегда является наиболее сложным вопросом в изучении этого типа археологических памятников. Поэтому считаю необходимым дать самое краткое описание периодов и исторических условий, в которых появляются эти образцы монументального творчества именно на рассматриваемой территории.

Кольский полуостров (Русская Лапландия) является составной частью северной Фенноскандии (заполярные районы Норвегии, Швеции, Финляндии, Мурманская область России). Этот обширный регион с момента появления (рис. 1) здесь первых людей в раннем мезолите (10 тыс. лет до н.э.) и до недавнего времени демонстрировал несомненное культурно-историческое единство [Шумкин, 1986. С. 15–33; 1993. С. 34–59].

Первоначальное появление древнего населения в Фенноскандии традиционно связывают с проникновением сюда вдоль только что освободившегося от ледника (благодаря Гольфстриму) норвежского побережья (в том числе и каботажным путём по фьордам) небольших бродячих коллективов потомков западноевропейских носителей аренсбургской позднепалеолитической археологической культуры, занимавшихся охотой и сбором «даров моря» на приморских литоральных [Шумкин, 1993. С. 34–59]. Данный путь и образ жизни хорошо документируется археологическими находками этого времени вдоль маршрута движения коллективов из мест своего первоначального обитания, постепенно продвинувшихся до побережья Баренцева моря и получивших уже здесь наименование мезолитической культуры комса [Шумкин, 1993. С. 34–59].

Рис. 2. Образец древнейших изображений (белый медведь) на скалах северной Норвегии (около 10000 л.н.). Рядом стоит норвежский археолог профессор Я.М. Гьерде (для масштаба). Фото Б. Ольсен, 1999 г.

Fig. 2. Sample of the oldest images (polar bear) on the rocks in northern Norway (about 10,000 years ago). Norwegian archaeologist, professor Ya.M. Gjerde stands for scale. Photo by B. Olsen 1999

Попад в совершенно новое, более суровое природное окружение, очутившись в определённой изоляции, при изменении привычной сырьевой базы для изготовления каменных артефактов (переход от использования почти отсутствующих здесь кремнёвых пород к кварцам, доломитам, песчаникам, разному окремнённому сырью) пионеры освоения этих северных широт испытывали определённые трудности. Однако, при явной деградации материальной культуры они сохранили отголоски древних мировоззренческих палеолитических представлений, оставив очень крупные контурные линейные изображения медведей (рис. 2), семейства оленей, китообразных на скалах Норвежской Лапландии, датируемых ранним периодом освоения этой территории (около 10–11 тысяч лет тому назад) [Gjerde, 2010].

Каботажный способ продвижения ранее подтверждался наличием ранних стоянок на отдалённых от берега островах в незамерзающих водах Северного и Баренцева морей, что невозможно объяснить без признания существования уже у них водных транспортных средств. А недавно на скалах Норвегии нашли изображение (рис. 3), выполненной в том же стиле и в подобной технике, крупной лодки, датированной опять же в около 10–11 тыс. л. назад [Gjerde, 2021. P. 136–152].

Однако, в последнее время стали появляться (главным образом в финской археологической литературе) предположения о второй волне проникновения в мезолите в Арктическую Фенноскандию уже сухопутным путём (через Карелию и/или Финляндию) коллективов охотников на северного оленя из Восточной Европы [Manninen et al., 2021.

P. 310–328]. Гипотеза основывается на наличии на некоторых мезолитических стоянках артефактов, полученных в результате пластинчатой индустрии обработки сырья. Факт интересный, но на это обстоятельство уже ранее указывал П. Вудман [Woodman, 1993 P. 57–76], отмечая в культуре комса сочетание применения разных технологий обработки камня, правда, не делая таких далеко идущих выводов. В любом случае получается, что арктическое побережье Фенноскандии и, соответственно, Кольский полуостров первоначально заселило европейское по происхождению население.

К началу 70-х годов XX века кольская археология за 45-летие своего научного развития (начало отечественного профессионального изучения данного региона мы отсчитываем с 1928 года, когда А.В. Шмидтом производились раскопки могильника на Большом Оленьем острове в Кольском заливе Баренцева моря [Шмидт, 1930], который до сих пор остаётся уникальным, единственным репрезентативным по сохранности антропологических останков и археологического материала некрополем середины Птыс. до н.э. во всей Евразийской Арктике). Позднее, благодаря усилиями советских специалистов были открыты десятки разных археологических памятников. По сравнению с количеством изученных объектов подобного типа в остальной части Фенноскандии, эти достижения достойные, но не настолько значительные, однако и срок их изучения несравним. Удивляло другое – при сходстве природно-климатических условий территории, близости хозяйственно-культурного типа проживавшего здесь населения и его уровня развития в каменном веке, в соседствующих Нор-

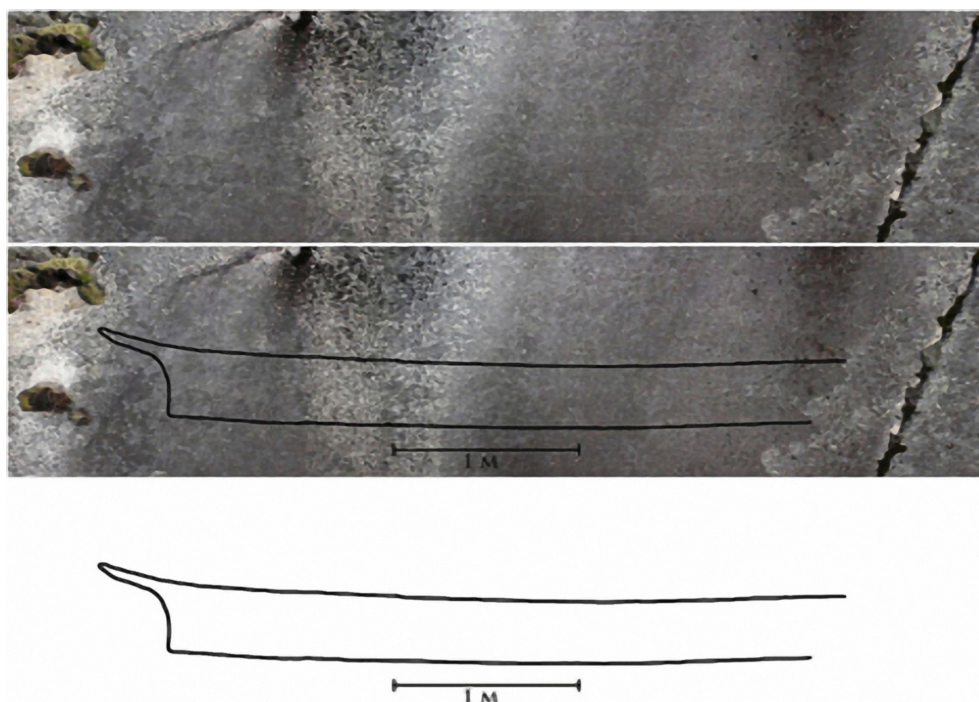

Рис. 3. Изображение крупной лодки на скалах северной Норвегии, 10000 л.н. (по: [Gjerde, 2010])

Fig. 3. Image of a large boat on the rocks in northern Norway, dated 10,000 years ago (acc. to [Gjerde, 2010])

вегии, Швеции, Карелии, Финляндии уже были открыты сотни местонахождений наскальных изображений, а на Кольском полуострове подобных памятников нет.

Только в 1973 году в центральной части региона в результате археологического обследования территории отрядом Кольской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР (рук. В.Я. Шумкин), в связи с проектированием гидроэлектростанции на р. Поной в районе бывшей д. Ивановка были обнаружены первые в этом регионе петроглифы, названные нами Чальмн-Варрэ [Шумкин, 1973. С. 1–17; 1986. С. 15–33; 1990. С. 34–43; Shumkin, 1990. Р. 53–67]. Открытие этого археологического памятника (рис. 4), датированного в пределах IV–II тыс. до н.э. имело не только историческое и экологическое значение для края,¹ но и включило Мурманскую область России в зону монументального искусства охотников северной Фенноскандии. Однако обеспечение охраны памятника не было организовано на достаточном уровне – спустя несколько лет один из камней был самовольно изъят из природно-археологического ландшафта и варварски вывезен в с. Ловозеро, где и поныне находится в экспозиции «Музея быта саамской культуры» (рис. 5). После этого на территории расположения петроглифов Чальмн-Варрэ охраной памятников Мурманской области был установлен камень с надписью «Охраняется государством», что отнюдь не оберегает данный петроглифический ансамбль от каких-либо эксцессов.

В дальнейшем мы стали более внимательно относиться к осмотру скальных поверхностей и в 1985 году на одной из каменных гряд-куэст (рис. 6)

в северо-западной части полуострова Рыбачий на правом берегу р. Майка, в 1,5 км от места впадения её в Зубовский залив Баренцева моря были обнаружены уже рисованные наскальные изображения (писаницы), названные нами Пяйва-галерея. Рисунки располагаются на 27 вертикальных панелях, прикрыты сверху природным каменным карнизом (рис. 7, нижний), состоят из 22 геометрических символов и двух изображений оленей (рис. 7, верхний) исполненных, вероятно, просто пальцами двух рук, окунутых в специальный окраситель состав. Наблюдение и такое предположение было сделано дважды побывавшим здесь почётным профессором СПбГУ А.Д. Столяром, связавшим воедино ширину линий фигур (около 1 см) и оставленные древним художниками после окончания творческой работы в двух местах немного выше данных символов следы вытирания пальцев, в каждом случае по 6 мазков, т.е. от трёх пальцев без большого и указательного правой и левой руки [Шумкин, 1990. С. 39–44].

Помимо этого, были задокументированы [Колпаков и др., 2022. С. 18–65] еле заметные 7 геометрических фигур, выполненных шлифованными линиями шириной около 1 мм (вероятно – округлой галькой) и 2 чёткие тоже геометрические гравировки острым тонким лезвием (менее 0,1 мм) инструмента (скорее всего – металлического). Последние, вероятно, более позднего происхождения и очень похожи на находящиеся тут же, но, к счастью, не затрагивающие древние изображения, следы вандализма в виде надписи, процарапанной, скорее всего, кем-то из солдат местного гарнизона.

Рис. 4. Камень № 1 с петроглифами ансамбля Чальмн-Варрэ в естественном природном ландшафте. Фото Е.М. Колпакова, 2014 г.

Fig. 4. Stone No. 1 with petroglyphs of the Chalmn-Varre ensemble in a natural landscape. Photo by E. Kolpakov 2014

¹ Планы по реализации этого амбициозного, затратного и губительного проекта, способного затопить огромные пространства Понойской депрессии и уничтожить знаменитое на всём Русском Севере местное сёмужное стадо, остались не выполненными, в том числе и в результате находки здесь петроглифов.

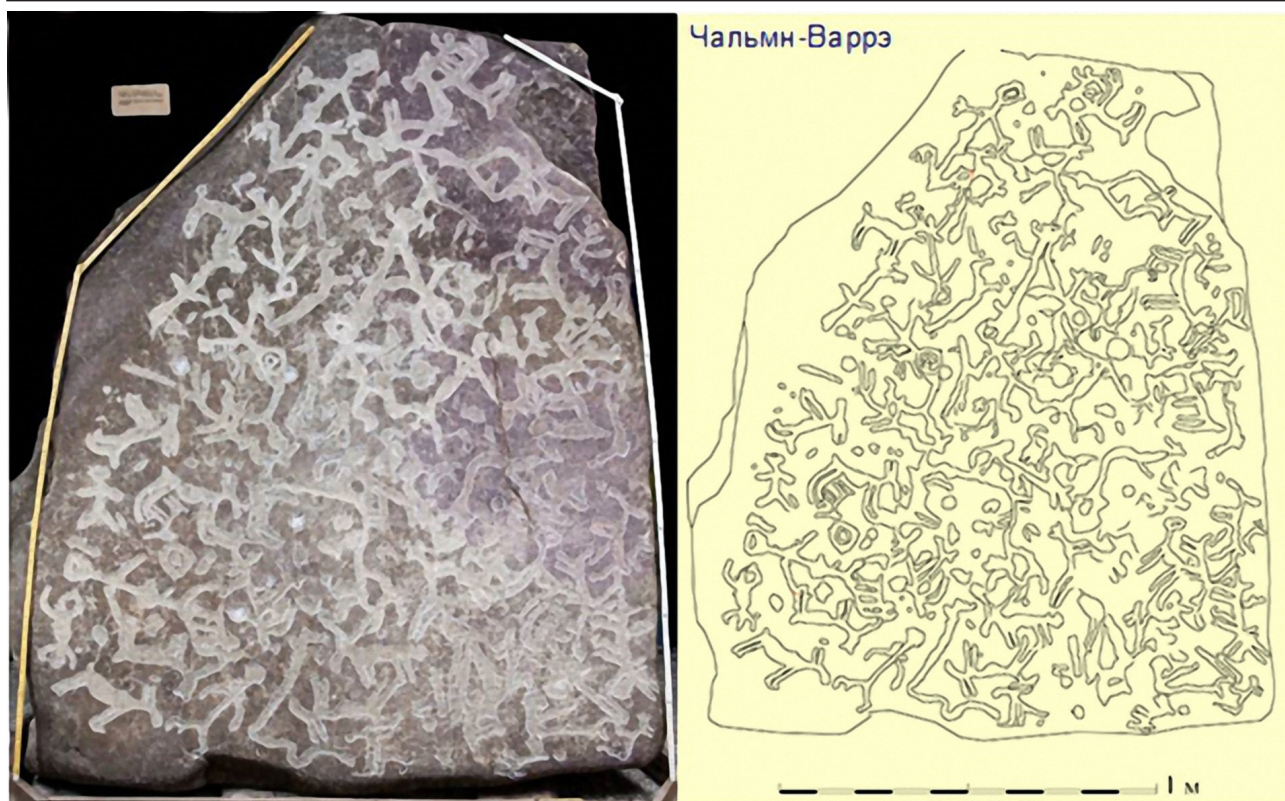

Рис. 5. Камень № 5. Увезён из ансамбля петроглифов Чальмн-Варрэ в «Музей быта кольских саамов», с. Ловозеро, Мурманская обл. (по: [Колпаков, Шумкин, Мурашкин, 2018])

Fig. 5. Stone No. 5. Taken from the ensemble of petroglyphs of Chalmn-Varre to the Museum of Life of the Kola Sami, Lovozero village, Murmansk region (acc. to [Kolpakov, Shumkin, Murashkin, 2018])

Рис. 6. Общий вид на каменные гряды на полуострове Рыбачий (Мурманская обл.) в месте слияния рек Майка и Пяйва перед впадением их в Баренцево море. Стрелками показано местонахождение писаниц Майка-пещера (верхняя стрелка) и Пяйва-галерея (нижняя). Фото Е.М. Колпакова, 2015 г.

Fig. 6. General view of the stone ridges on the Rybachy Peninsula (Murmansk region) at the confluence of Mayka and Pyaiva rivers before they flow into the Barents Sea. The arrows show the location of the Mike Cave inscriptions (top arrow) and Pyaiva gallery (lower). Photo by E. Kolpakov 2015

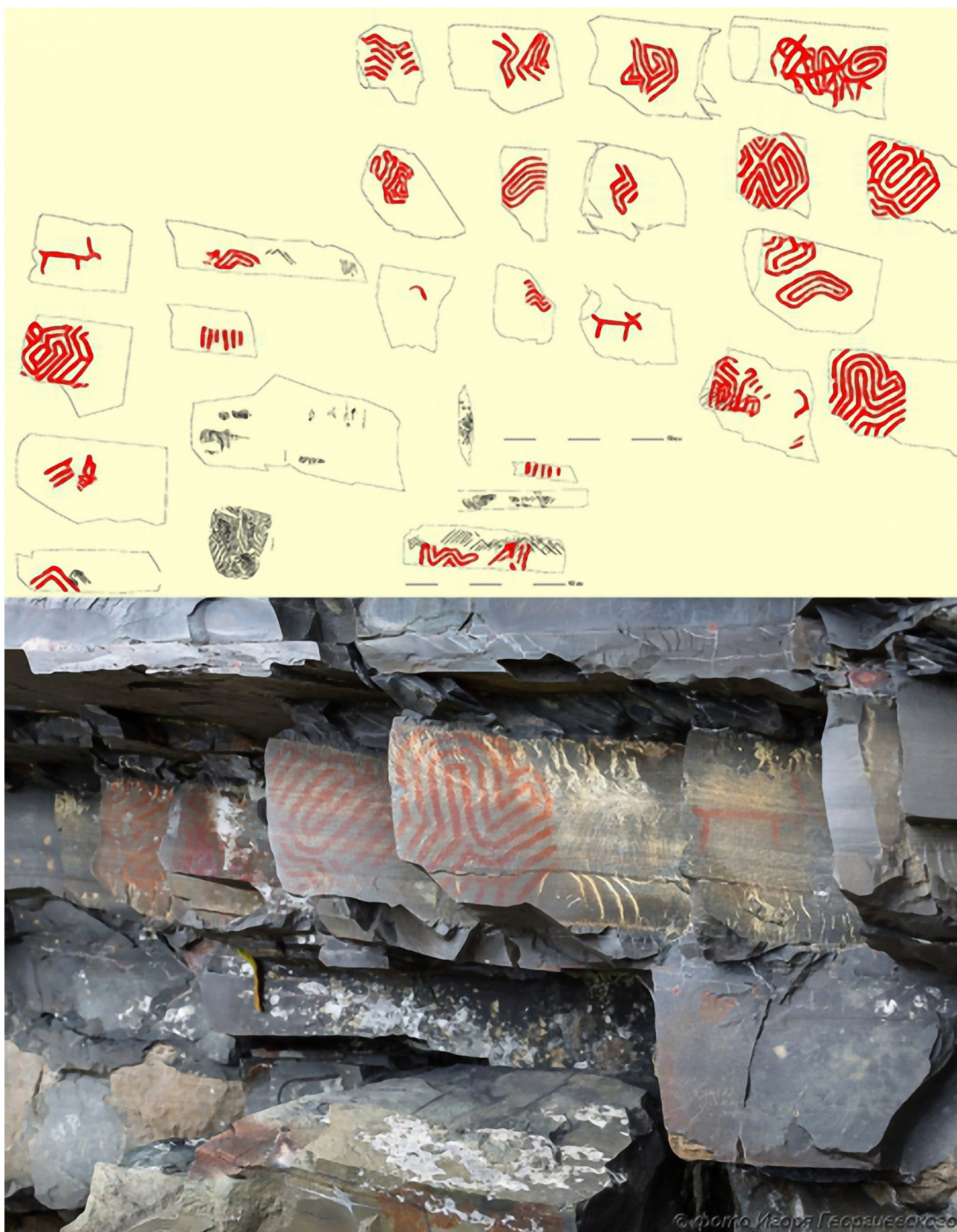

Рис. 7. Рисованные (красная охра) и гравированные изображения Пяйва-галереи. *Верх*: прорисовка изображений Е.М. Колпакова (по: [Колпаков и др., 2022]). *Низ*: геометрические изображения и фигурка оленя на писаницах Пяйва-галереи. Фото И.Георгиевского, 2011 г.

Fig. 7. Drawn (red ochre) and engraved images of the Päiva gallery. *Top*: rendering of images by E. Kolpakov (acc. to [Kolpakov et al., 2022]). *Bottom*: Geometric images and a figurine of a deer on the inscriptions of the Pyaiva Gallery. Photo by I. Georgievsky 2011

Рисованные геометрические фигуры находят отдельные аналогии среди писаниц Финляндии и Швеции, которые датируются поздним мезолитом – ранним неолитом [Lahelma, 2008]. Похожие геометрические формы встречаются и в таких крупных петроглифических ансамблях неолита – бронзового века как Альта [Helskog, 2014], Канозеро [Колпаков, Шумкин, 2012]. Но ближайшей территориально, ландшафтно, стилистически и типологически Пяйвинским писаницам всё же являются нарисованные сходным составом геометрические изображения Руксесбатн (рис. 8), которые норвежские исследователи относят к эпохе бронзы – раннему железному веку [Schanke, 2004]. Принимая близость этих двух писаниц территориально, высотно и стилистически, не могу согласиться с такой поздней их датировкой и на это есть серьезные основания.

1. Практически напротив писаниц Пяйва-галерея, на левом противоположном берегу р. Майка обнаружено несколько стоянок явно мезолитического возраста. Высота расположения [Колпаков и др., 2022. С. 18–65] стоянок (25 мБС) и писаниц (24 мБС) так же не противоречат такому возрасту обоих объектов.

2. На одной из этих стоянок (Пяйва 2) обнаружена небольшая сланцевая плитка с остатками на ней красочного охристого материала, явно принесённая с каменной гряды с писаницами. Причем этот предмет единственный из такого минерала среди множества артефактов из кварца и доломита, что позволяет предполагать, что несмотря на полезные свойства и наличие поблизости подобного сырья, его не использовали в хозяйственных целях (например, для производства орудий), возможно, из-за какого-то табуирования.

3. Стоянки расположены недалеко от писаниц, но на достаточном, а главное, охранительном (на другом берегу реки) удалении (что обычно практиковалось в древних сообществах) для ритуального посещения святилища, которое им, по моему мнению, и принадлежало.

4. В ближайшем окружении на несколько десятков километров вокруг мы не нашли каких-либо стоянок не только этого времени (кроме уже упомянутых), но и других эпох.

Всё перечисленное даёт основание датировать писаницы Пяйва-галереи и прошлифованные геометрические фигуры (техника известна по ранне-мезолитическим изображениям северной Норвегии) временем не моложе VII тыс. до н.э., а также пересмотреть в эту сторону и возраст рисунков Руксесбатн, которые не имеют подобного набора доказательств. Уточнение датировки может быть скорректировано, когда мы сумеем получить методику и возможность определить возраст применявшегося здесь красящего состава.

Во время работы по документированию изображений Пяйва-галереи при осуществлении разведок в 1986 году на правом берегу р. Майка, соединяющейся в приустьевой части с р. Пяйва, в 1 км от галереи (рис. 6) на высоте 38 мБС обнаружен грот в скальном останце шириной 15, глубиной 6 и высотой около 2 м. При обследовании его, в самой дальней темной части (рис. 9) на плоской вертикальной стене выше лежащей горизонтально плоской каменной плиты обнаружен «триптих» (рис. 10), состоящий из двух человеческих фигур анфас, между которыми расположено вытянутой формы фантастический персонаж (водный хищник?) с раскрытой пастью [Шумкин, 1987б. С. 292–293]. Данное местонахождение получило

Рис. 8. Писаницы Руксесбатн в северной Норвегии (по: [Schanke, 2004])
Fig. 8. Ruxesbatn inscriptions in northern Norway (acc. to [Schanke, 2004])

наименование Майка-пещера. Изображения выполнены составом на основе красной охры, но способом иным, чем на Пяйве, и не линейно, а с заполнением краской тел фигур. Пол антропоморфных изображений не обозначен, но по некоторым очертаниям фигуры, к которой обращена раскрытая пасть хищника, можно предположить, что она женская. Кроме того, при проведении рукой по верхней части тела этого персонажа ощущаются едва заметные два природных бугорка, расположенных на одном уровне и именно там,

где и должны быть женские груди. Возможно, глаз древнего художника заметил такое природное образование и именно там изобразил эту фигуру.

Датирование триптиха ещё более проблематично, чем с писаницами Пяйва-галереи, но одно соображение по этому вопросу всё же можно высказать. Изображения хищников с раскрытой пастью не характерны для древнего наскального творчества населения Фенноскандии, но обычны у обитателей зауральских (сибирских) территорий. Поскольку, по данным Кольского Оленео-

Рис. 9. Свечами отмечено место расположения майкинского «триптиха» в самом дальнем и тёмном участке пещерного углубления. Фото В.Я. Шумкина, 1986 г.

Fig. 9. Candles mark the location of the Mayka "triptych" in the farthest and darkest part of the cave recess. Photo by V. Shumkin 1986

Рис. 10. Триптих в Майка-пещере. Фото И. Георгиевского, 2011 г.

Fig. 10. Triptych in Mayka Cave. Photo by I. Georgievsky 2011

Рис. 11. Общий вид на остров Каменный петроглифического ансамбля Канозера на озере Канозеро с указанием расположения на нем (жёлтые круги) 7 групп петроглифов. Фото Е.М. Колпакова, 2015 г.
Fig. 11. General view of Kamenny Island of the Kanozero petroglyphic ensemble on Lake Kanozero, indicating the location (yellow circles) of 7 groups of petroglyphs in the ensemble. Photo by E. Kolpakov 2015

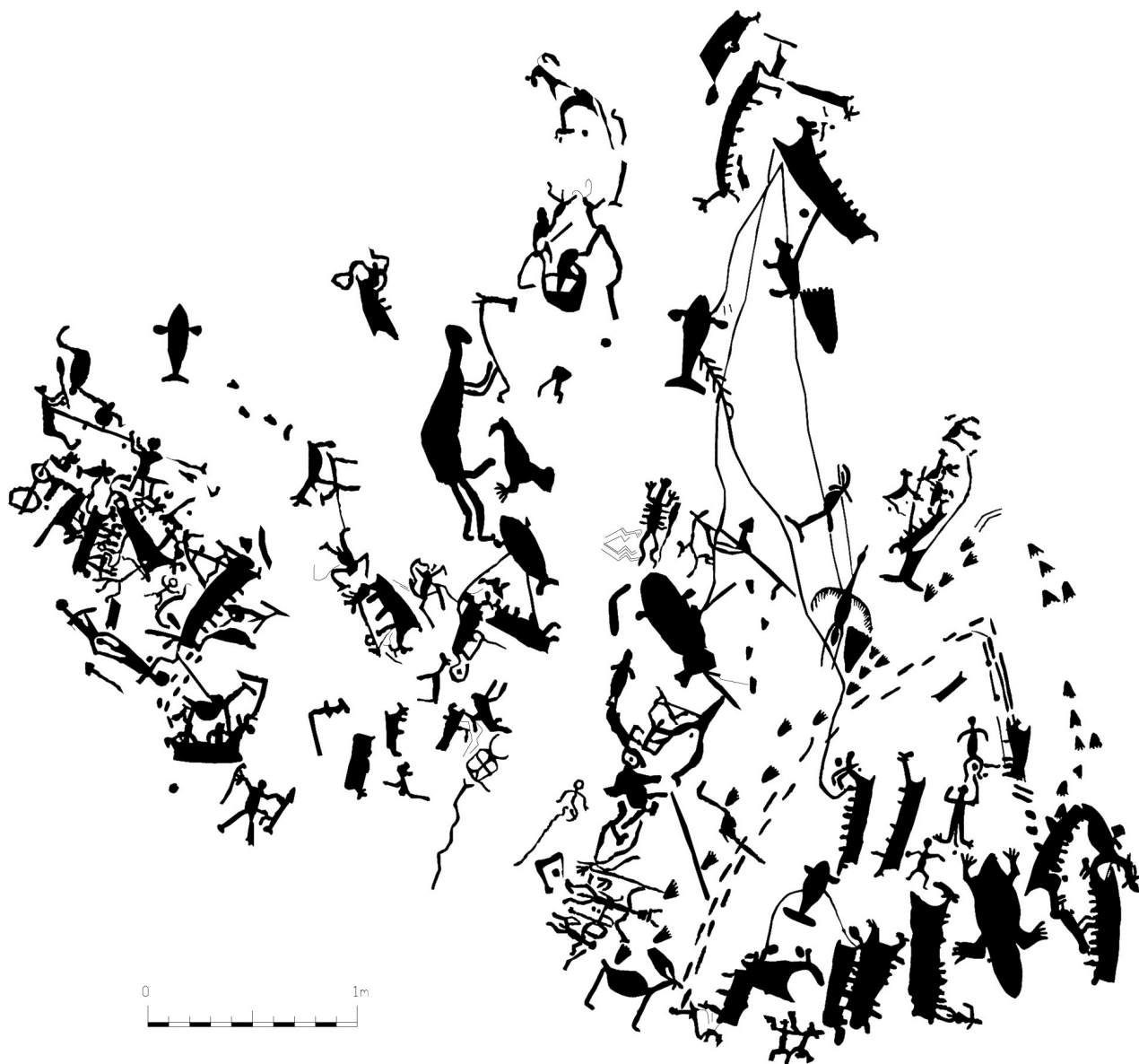

Рис. 12. Прорисовка изображений на группе Каменный 7 Канозера (по: [Колпаков, Шумкин, 2012])
Fig. 12. Rendered images on the group Kamenny 7 of Kanozero (acc. to [Kolpakov, Shumkin, 2012])

Рис. 13. Места расположения наскальных изображений на Кольском полуострове

Fig. 13. Locations of rock images on the Kola Peninsula

стровского могильника [Колпаков и др., 2019], по крайней мере, в восточную часть Арктической Фенноскандии не позднее середины II тыс. до н.э. зафиксирован приход из Зауралья нового населения, то предварительно можно определить время создания триптиха – не ранее эпохи бронзы – раннего железного века. И, в данном случае, придется пока уповать на скорое внедрение новых методик датирования красящего материала на скальных поверхностях.

В 1997 г. в южной части Кольского полуострова, на оз. Канозеро (озёрное расширение р. Умба) был найден еще один очень крупный петроглифический ансамбль, содержащий около 1500 изображений. Расположен он на трех островах – Каменном (рис. 11), Горелом, Еловом и одной прибрежной скале, названной нами Скала Одинокая, и включает 18 групп петроглифов [Колпаков, Шумкин, 2012]. Фигуры представлены в первую очередь морскими млекопитающими, семейством оленевых, другими животными, есть птицы, рыбы, антропоморфы. Композиции представляют в основном охоту на морского зверя, реже показана сухопутная зимняя добыча зверя (рис. 12). Уникальной по проработанности деталей, искусному использованию микроландшафта скалы, мастерскому применению разных техник исполнения выглядит сцена зимней охоты на медведя (белого?).

Закключение

К настоящему времени на Кольском полуострове за последние 50 лет сотрудниками Кольской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР / ИИМК РАН открыты и исследованы два местонахождения писаниц и два местонахождения петроглифов (рис. 13). Причем Канозеро, наряду с карельскими Залавругой и Онежскими петроглифами, норвежской Альтой, шведскими Вингенем и Немфоршеном, входит в шестёрку самых представительных по количеству, разнообразию изображений и композиций наскальных собраний всей Фенноскандии. Следует отметить, что в Карелии пока представлены только петроглифы, а единичное рисованное изображение (лодка?) на западном берегу Онежского озера (Талгуба) [Жульников, 2022. С. 8–13] ещё нуждается в подтверждении его рукотворного происхождения.² А в Финляндии, где уже 125 местонахождений, пока представлены только писаницы. Очень странно, что разделение этих двух типов наскальных изображений проходит точно по государственной границе стран. Эта ситуация вызывает обоснованные сомнения в том, что так было и в древности и, следовательно, можно ожидать новых открытий по обеим сторонам границы. На Кольском полуострове, как и в Норвегии и в Швеции, уже известны и те, и другие типы наскальных изображений. Учитывая, что все другие, не менее важные наскальные ансамбли российского Европейского Севера (Карельские петроглифы и писаницы на р. Вишера) расположены южнее Полярного круга, то только Кольские наскальные изображения могут быть обоснованно признаны единственными сохранившимися до наших дней памятниками древнего монументального творчества Российской Европейской Арктики. А мезолитические писаницы полуострова Рыбачий (Пяйва), к тому же, вообще являются уникальными и единственными столь ранними археологическими объектами такого типа даже для более обширного северного региона.

Вполне вероятно, что если сотни небольших петроглифических собраний и все писаницы Фенноскандии являлись «камерными» святилищами для небольших групп древнего населения, то крупные ансамбли служили тем же целям для больших сообществ, включавших не одно, а может быть и десятки поселений, отстоящих от таких прославленных культовых мест на значительные расстояния. А сами святилища были местом сбора в определённые согласованные периоды для совершения совместных ритуальных действий – празднеств, инициаций и т.д. [Столяр, 1985].

² Настороженное отношение к данной находке, опубликованной совсем недавно в коротком сообщении с чёрно-белыми иллюстрациями [Жульников, 2022. Рис. 5] основывается на том, что 10 лет назад уже прозвучало в научной литературе и на конференции известие о сенсационной находке очень похожего «выполненного» красной охрой изображения лодки и заявлено об открытии первой в Карелии писаницы на берегу оз. Пизанец [Шахнович, 2014. С. 64–68]. На деле оказалось, что это обычный естественный железистый натёк, что сразу же и определил бывший там, вместе с автором данной «находки» член Эстонско-финского «Общества изучения наскального искусства» художник Лойт Йокалда, а потом усомнился и археолог А.М. Жульников. Конечно, это вовсе не означает, что поиски писаниц в Карелии – дело не перспективное, но такие находки требуют тщательного изучения и доказательства их отнесения к древнему наскальному искусству.

Реликвии монументального творчества – увлекательные, сложные и многогранные объекты исследования. Их использование в качестве источника в историко-культурных разработках, истории искусства, эволюции интеллекта и когнитивной психологии, религии и мифологии предполагает тщательный археологический анализ. Для успешной работы над этой темой необходимо, в первую очередь, точное документирование изображений, определение точного возраста, сравнительные характеристики (стиль, техника выбивки/рисования, композиция, ландшафтная среда, микрорельеф) различных мест древнего наскального творчества. В связи с развитием новых технических и естественных методов в последнее время на этом поле достигнуты значительные успехи, которые наиболее очевидны при совместной работе специалистов разных стран.

И последний сюжет, на который крайне необходимо обратить внимание – сбережение наскальных полотен. Если вдуматься, то ведь от многообразного монументального наскального творчества прошлых поколений дошли до нас единичные экземпляры. Опустошительные войны, смены населения, природные катаклизмы, нетерпимость и невежество людей сыграли губительную роль. В прошлом наскальные изображения страдали больше от природы и времени. Можно считать чудом, что они уцелели. Особенно подвержены разрушению писаницы. Сохранились они лишь в «благополучных» местах. И вот эти, пощаженные губительным Хроносом осколки творчества наших предков нередко уничтожаются современным человеком. Страдают они от строительных работ, искусственного поднятия уровня воды, на рисунках разводят костры, выбивают свои инициалы и т.д. Можно привести многие десятки примеров ак-

тов вандализма. Не приносят должного результата ни усиление наказания, ни принятие постановлений. Думаю, что эти меры не решат проблему. Путь здесь один – повышение культурного уровня населения через популяризацию, объяснение значения памятников, их художественно-культурной ценности, проведение регулярных экскурсий, создание музеев. Дело, конечно, трудное, но вполне осуществимое. Примеры такого подхода уже имеются в Скандинавии, Италии и Карелии. Организация центров с музеями, туристическими комплексами – Альта (памятник под эгидой ЮНЕСКО) и Немфоршен в Норвегии, Винген в Швеции – пользуется огромным интересом и популярностью, снимает многие проблемы, приносит ощутимый доход, позволяющий вкладывать средства в изучение, популяризацию и защиту объектов историко-культурного наследия. Отрадным фактом стало известие о включении в список ЮНЕСКО сразу всех петроглифов Карелии. Казалось бы, что следующими в таком статусе должны стать петроглифы Канозера, тем более, что они уже внесены в предварительный список Министерства культуры России, но пока всё происходит только на стадии согласований и решений. Помощь специалистов, любителей, общественности, администрации в таком деле крайне необходима. Это нужно делать как можно скорее. Важнейшей и актуальной задачей цивилизованного общества является сохранение древних наскальных ансамблей для будущих поколений и пропаганда их сохранности, ценности и значимости для истории становления, развития и достойного существования такого вида, как *Homo sapiens sapiens*. Будущие поколения не простят нам, если мы не сможем сберечь бесценные творения предков, волею судеб пока еще сохранившиеся на просторах наших стран.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Григорьев Г.П. Палеолит: начало искусства // Верхний палеолит: образы, символы, знаки. Каталог предметов искусства малых форм и уникальных находок верхнего палеолита из археологического собрания МАЭ РАН / Отв. ред. Г.А. Хлопачев. СПб.: Экстрапринт, 2016. С. 206–309.
- Жульников А.М. Писаница Тулгуба // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44. № 2. С. 8–13. DOI: <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2022.726>
- Колпаков Е.М., Шумкин В.Я. Петроглифы Канозера. СПб.: Искусство России, 2012. 424 с.
- Колпаков Е.М., Шумкин В.Я., Мурашкин А.И. Петроглифы Чальмн-Варрэ. СПб.: ЛЕМА, 2018. 160 с. DOI: <https://doi.org/10.31600/978-5-00105-367-5>
- Колпаков Е.М., Мурашкин А.И., Хартанович В.И., Шумкин В.Я. Кольский Оленеостровский могильник: 1925–2013. СПб.; Вологда: Древности Севера, 2019. 480 с.
- Колпаков Е.М., Киселёва А.М., Мурашкин А.И., Рябцева Е.Н. Наскальные изображения полуострова Рыбачий // Кольский сборник. К 75-летию Владимира Яковлевича Шумкина. Т. 3 / Отв. ред. Е.М. Колпаков. СПб.: ЛЕМА, 2022. С. 18–65. DOI: <https://doi.org/10.31600/978-5-00105-761-1>
- Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1994. 608 с. (Психология: классические труды)
- Столяр А.Д. Происхождение изобразительного искусства. М.: Искусство, 1985. 300 с.
- Уайт Л. Избранное: Наука о культуре. М.: РОССПЭН, 2004. 960 с. (Культурология. XX век)
- Шахнович М.М. Опыт поиска писаниц в Западной Карелии // От Балтики до Урала: изыскания по археологии каменного века / Отв. ред. В.Н. Карманов. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2014. С. 64–68.
- Шмидт А.В. Древний могильник на Кольском заливе // Кольский сборник. Труды антрополого-

этнографического отряда Кольской экспедиции. Вып. 23 / Ред. Д.А. Золотарёв. Л.: АН СССР, 1930. С. 119–169. (Материалы комиссии экспедиционных исследований. Северная серия)

Шумкин В.Я. Отчёт о работе Понойской группы КАЭ ЛОИА АН СССР в 1973 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 40.

Шумкин В.Я. Мезолит Кольского полуострова // Советская археология. 1986. № 2. С. 15–33.

Шумкин В.Я. Исследование Кольского полуострова // Археологические открытия 1985 года / Отв. ред. В.П. Шилов. М.: Наука, 1987а. С. 44–45.

Шумкин В.Я. Новые наскальные изображения Северной Европы // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тезисы докладов Всесоюзной конференции (Суздаль, 1987). М.: Наука, 1987б. С. 292–293.

Шумкин В.Я. Петроглифы и писаницы Кольского полуострова // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР / Отв. ред. М.А. Дэвлет. М.: ИА АН СССР, 1990. С. 34–43.

Шумкин В.Я. Ранний каменный век западной части Европейской Арктики: (мезолит Северной Скандинавии) // Древности Северо-Запада России (Славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики) / Ред. В.М. Масон, Е.Н. Носов, Е.А. Рябинин. СПб.: Петербургское востоковедение, 1993. С. 34–59.

Badin P. Primitive Man as Philosopher. New York: Dover publications, 1927. 387 p.

Gjerde J.M. Rock art and Landscapes: studies of Stone Age rock art from northern Fennoscandia. Universitetet i Tromsø, 2010. 100 p.

Gjerde J.M. The earliest boat depiction in Northern Europe newly discovered early Mesolithic rock art at Valle Northern Norway // Oxford Journal of Archaeology. 2021. № 40 (2). P. 136–152.

Helskog K. Communicating with the World of Beings. The World Heritage rock art sites in Alta, Arctic Norway. Oxford & Philadelphia: Oxbow Books, 2014. 240 p.

Lahelma A. A touch of red: archeological and ethnographic approaches to interpreting Finnish rock paintings // Iskos. 2008. № 15. 279 p.

Manninen M.A., Damlien H., Kleppe J.I., Knutsson K., Murashkin A., Niemi A.R., Rosenvinge C.S., Persson P. First encounters in the north: cultural diversity and gene flow in Early Mesolithic Scandinavia // Antiquity. 2021. Vol. 95. Iss. 380. P. 310–328.

Schanhe K. Kan bergmalerier være samiske? // Samisk forhistorie. Varanger Samiske Museums Skrifter, 2004. P. 102–112.

Shumkin V.Ya. The rock art of Russian Lapland // Fennoscandia Archaeologica. 1990. № VII. P. 53–67.

Woodman P.C. The Komsa culture, a re-examination of its position in the Stone Age of Finnmark // Acta Archaeologica. 1993. Vol. 63. P. 57–76.

REFERENCES

Grigoriev, G.P. 2016, “Paleolithic: the beginning of art”, *Verhnyj paleolit: obrazy, simvoly, znaki. Katalog predmetov iskusstva malyh form i unikal'nyh nahodok verhnego paleolita iz arheologicheskogo sobraniya MAE RAN* (“Upper Paleolithic: images, symbols, signs. Upper Paleolithic: images, symbols, signs: catalog of portable art objects and unique finds of Upper Paleolithic from archaeological collection of MAE RAN”), Extra Print, Saint Petersburg, pp. 206–309. (In Russ.)

Zhulnikov, A.M. 2022, “Tulguba rock painting”, *Proceedings of Petrozavodsk State University*, vol. 44, no. 2, pp. 8–13. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2022.726>

Kolpakov, E.M., Shumkin, V.Ya. 2012, *Rock Carvings of Kanozero*. Iskusstvo Rossii, Saint Petersburg, 422 p. (In Russ.)

Kolpakov, E.M., Shumkin, V.Ya., Murashkin, A.I. 2018, *Calmn-Varré petroglyphs*. LEMA, 160 p. (In Russ.)

Kolpakov, E.M., Murashkin, A.I., Xartanovich, V.I., Shumkin, V.Ya. 2019, *Kola Oleneostrovsky cemetery: 1925–2013*. Drevnosti Severa, Saint Petersburg; Vologda, 480 p. (In Russ.)

Kolpakov, E.M., Kiseleva, A.M., Murashkin, A.I., Ryabtseva, E.N. 2022, “Rock paintings of the Rybachy Peninsula”, *Kol'skij sbornik. K 75-letiyu Vladimira Yakovlevicha Shumkina. T. 3*. (“Kola Collection. To the 75th anniversary of Vladimir Yakovlevich Shum-

kin. Vol. 3”), LEMA, Saint Petersburg, pp. 18–65. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31600/978-5-00105-761-1>

Levi-Bruhl, L. 1994, *The supernatural in primitive thinking*. Pedagogy-Press, Moscow, 608 p. (Psychology: classical works). (In Russ.)

Stolyar, A.D. 1985, *The origin of fine art*. Iskusstvo, Moscow, 300 p. (In Russ.)

Uajt, L. 2004, *Favorites: The Science of Culture*. ROSSPEN, Moscow, 960 p. (Kulturologiya. XX vek). (In Russ.)

Shakhnovich, M.M. 2014, “Searching for rock painting in Western Karelia”, *Ot Baltiki do Urala: izyskaniya po arheologii kamennogo veka* (“From the Baltic to Urals: Essays on the Stone Age archaeology”), IYaLI Komi NC UrO RAN, Syktyvkar, pp. 64–68. (In Russ.)

Schmidt, A.V. 1930, “The ancient burial ground on the Kola Bay”, *Kol'skij sbornik. Trudy antropologo-etnograficheskogo otryada Kol'skoj ekspedicii. Vyp. 23* (“Kola collection. The works of the anthropological and ethnographic detachment of the Kola expedition. Iss. 23”), AN USSR, Leningrad, pp. 119–169. (Materials of the Commission of expeditionary research. The Northern Series). (In Russ.)

Shumkin, V.Ya. *Report on the work of the Ponoy group of the KAE LOIA AN SSSR in 1973*. Archive of the IIMK RAN, F. 35, Op. 1, D. 40. (In Russ.)

- Shumkin, V.Ya. 1986, "Mesolithic of the Kola Peninsula", *Soviet archaeology*, no. 2, pp. 15–33. (In Russ.)
- Shumkin, V.Ya. 1987a, "The study of the Kola Peninsula", *Arheologicheskie otkrytiya 1985 goda* ("Archaeological Discoveries of 1985"), Nauka, Moscow, pp. 44–45. (In Russ.)
- Shumkin, V.Ya. 1987b, "New rock carvings of Northern Europe", *Zadachi sovetskoj arheologii v svete reshenij XXVII s'ezda KPSS. Tezisy dokladov Vsesoyuznoj konferencii (Suzdal', 1987)* ("Tasks of Soviet archaeology in the light of the decisions of the XXVII Congress of the CPSU. Abstracts of the All-Union Conference (Suzdal, 1987)"), Nauka, Moscow, pp. 292–293. (In Russ.)
- Shumkin, V.Ya. 1990, "Petroglyphs and writings of the Kola Peninsula", *Problemy izucheniya naskal'nykh izobrazhenij v SSSR* ("Problems of studying rock carvings in the USSR"), IA AN USSR, Moscow, pp. 34–43. (In Russ.)
- Shumkin, V.Ya. 1993, "The Early Stone Age of the western part of the European Arctic: (Mesolithic of Northern Scandinavia)", *Drevnosti Severo-Zapada Rossii (Slavyano-finno-ugorskoe vzaimodejstvie, russkie goroda Baltiki)* ("Antiquities of the North-West of Russia (Slavic-Finno-Ugric interaction, Russian cities of the Baltic)"), St. Petersburg Oriental Studies, Saint Petersburg, pp. 34–59. (In Russ.)
- Badin, P. 1927, *Primitive Man as Philosopher*. Dover publications, New York, 387 p.
- Gjerde, J.M. 2010, *Rock art and Landscapes: studies of Stone Age rock art from northern Fennoscandia*. Universitetet i Tromsø, 100 p.
- Gjerde, J.M. 2021, "The earliest boat depiction in Northern Europe newly discovered early Mesolithic rock art at Valle Northern Norway", *Oxford Journal of Archaeology*, no 40 (2), p. 136–152.
- Helskog, K. 2014, *Communicating with the World of Beings. The World Heritage rock art sites in Alta, Arctic Norway*. Oxbow Books, Oxford & Philadelphia, 240 p.
- Lahelma, A. 2008, "A touch of red: archeological and ethnographic approaches to interpreting Finnish rock paintings", *Iskos*, no. 15, 279 p.
- Manninen, M.A., Damlien, H., Kleppe, J.I., Knutsson, K., Murashkin, A., Niemi, A.R., Rosenvinge, C.S., Persson, P. 2021, "First encounters in the north: cultural diversity and gene flow in Early Mesolithic Scandinavia", *Antiquity*, vol. 95, iss. 380, p. 310–328.
- Schanhe, K. 2004, "Kan bergmalerier være samiske?", *Samisk forhistorie* ("Sami prehistory"), Varanger Samiske Museums Skrifter, p. 102–112. (in Finnish)
- Shumkin, V.Ya. 1990, "The rock art of Russian Lappland", *Fennoscandia Archaeologica*, no VII, p. 53–67.
- Woodman, P.C. 1993, "The Komsa culture, a re-examination of its position in the Stone Age of Finnmark", *Acta Archaeologica*, vol. 63, p. 57–76.

Сведения об авторе

Владимир Яковлевич Шумкин, кандидат исторических наук, Институт истории материальной культуры РАН. Российская Федерация, г. Санкт-Петербург. E-mail: shumkinv@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-3141-7218

Information About the Author

Vladimir Ya. Shumkin, Ph.D., Institute of the History of Material Culture RAS. Russian Federation, St. Petersburg. E-mail: shumkinv@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-3141-7218